

Я ставлю в связь с апокрифами эсхатологического свойства настойчивый мотив прошедших пятнадцати веков до появления Христа в поэме Ивана. Герой говорит, что действие его поэмы происходит в XVI в., затем повторяет: «Пятнадцать веков уже минуло тому, как он (Христос, — В. В.) дал обетование прийти во царствии своем, пятнадцать веков, как пророк его написал: „Се грядущего скоро“» (9, 310). И дальше в словах Инквизитора: «... свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад... Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой...» (9, 315); «... теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах (имеется в виду искушение в пустыне, — В. В.) до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более» (9, 317).

В самых разных эсхатологических сочинениях, спирающихся на канонические тексты, конец мира приурочивался к окончанию 7-й—началу 8-й тысячи лет от его сотворения, т. е. к концу XV в. По распространенным в свое время верованиям, в семитысячном году (1489) ожидалось пришествие антихриста и затем трехлетнее его царство.²¹

То обстоятельство, что Иван относит действие своей поэмы к XVI, а не к XV в., понятно. В XVI в. реформация охватывает Европу: «Огромная звезда, „подобная светильнику“ (то есть церкви) „пала на источники вод, и стали они горьки“» (9, 311). В XVI в. возникает орден иезуитов. И то, и другое было важно Достоевскому в общей системе его художественной мысли. Но указание на XVI век есть дань истории, так сказать, реализму, а настойчивое повторение прошедших пятнадцати столетий есть указание на литературную (впрочем, не только литературную) традицию и фантастическое. «... тебя... разбаловал современный реализм, — говорит в начале своей поэмы Иван Алеше, — и ты не можешь вынести ничего фантастического... Но не все ли равно нам с тобою, что qui pro quo, что безбрежная фантазия? Тут дело в том только, что... надо высказаться...» (9, 314).

Следует упомянуть, что хотя кончину мира на Западе и в России предполагали в XV в. (по всем предсказаниям и расчетам), но как только эти расчеты не оправдались, ее стали ждать в 8-е тысячелетие, в следующем, XVI в. Ожидания даже усилились в это время в связи с нападками католиков на православие и введением унии на юго-западе России. Православные, как и протестанты, называли папу антихристом, считая, что время его наступило.²²

Отнесение действия поэмы в XVI век и настойчивое упоминание XV столетия на единственный (но характерный) намек на то, что поэма, хотя и приурочена к прошедшему, на самом деле пророчествует о будущем (так, как это будущее хотел бы видеть Иван). Среди косвенных свидетельств на этот счет, помимо анахронизмов (их отмечает Розанов в своей книге «Легенда о Великом инквизиторе»²³), важны многочисленные цитаты из Апокалипсиса Иоанна, повествующего о конечных судьбах мира и втором пришествии Христа, но главное то, что в самой поэме Ивана в сущности об этом втором (лишь предстоящем) пришествии и говорится.

²¹ См. об этом. В. Сахаров. Очерк происхождения и развития эсхатологических идей и образов на Востоке, переход и влияние их на народное религиозное мирозерцание в древней Руси. — ЧОЛДП, М., 1879, № 2, отд. II, стр. 113. Здесь же дается и литература на эту тему.

²² См. об этом: К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1968, стр. 101.

²³ В Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. Изд. 3-е. СПб., 1906.